

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ*

РЕЦЕПЦИЯ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ИСТОРИИ, ТВОРЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОПЫТЕ**

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИКА

Получено: 16.04.2025. Рецензировано: 18.10.2025. Принято: 23.01.2026.

Аннотация: Рецепцию авторского начала вряд ли можно считать профильной для феноменологии. Она более активно обсуждается в поле постструктуралистских концептуализаций с акцентом на функциональности автора. Между тем в пику функциональным оценкам авторского начала феноменологи предложили свой интенциональный ракурс, или «феноменологию автора», в которой ключевым положением стало определение его статуса исходя из его внутренних интенций. Речь идет не только о реализации авторского начала в творчестве или повседневной реальности, но и о его данности как трансценденции. Феноменологи во главе с Гуссерлем и отчасти с подачи Дильтея (главным образом в их обоюдной переписке) обращают внимание на то, как автор (субъект) включается в бытие в традиционной для феноменологов системе координат — «история» и «опыт». В первом случае оценивается включенность автора (субъекта) в историю и исторический процесс, называемая вовлеченностью в постижение бытия. Такой уровень рецепции дает возможность охарактеризовать автора (субъекта) не только как проводника смыслов исторических фактов и событий, но и как непосредственный их источник. Во втором случае опытное начало рассматривается как трансценденция и одновременно как условие владения автором интенциональным актом. Интенциональный акт отражает вовлеченность автора в процесс осознания мира вещей и постижения бытия. На этом основании феноменологи констатируют, что автор, если он, например, вовлечен в историю, способен к интенциональному акту и переживанию бытия. В статье показано, в каких направлениях феноменологии происходит рецепция авторского начала (история, творчество, опыт) и как в каждом из них проявляется интенциональность, позволяющая субъекту переживать бытие и осознавать грани миропорядка и мироздания.

Ключевые слова: феноменология, человеческий опыт, автор (субъект), авторское начало, история и исторический процесс, творчество, интенциональность.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-139-168.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XIX–XX вв. одним из обсуждаемых вопросов в философии стала тема поиска оснований авторского начала в бытии и определения статуса автора (субъекта) как такового. Конечно, дискуссии на этот счет

*Попов Евгений Александрович, д. филос. н., профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул), popov.eug@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3324-8101.

**© Попов, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

велись и раньше; по сути, любой ракурс, затрагивающий субъектность, так или иначе касался и авторского начала. В указанный период особо проявилась сосредоточенность мыслителей на функциональной стороне бытия автора. Вероятно, это было связано с логикой модерна и просвещенческими установками на образованность, доминирование литературы как вида искусства и творчества и т. д. Функции автора нередко рассматривались через призму производства текстов, его включенности в идейно-художественные контексты эпохи, отражения в нем преобладающих морально-нравственных идеалов общества. Так, например, интуитивисты видели в авторском начале проявление жизненной энергии (А. Бергсон полагал, что пристрастие автора к жизни позволяет всю ее рассмотреть до мельчайших деталей). Спектр обобщений и оценок авторского начала был довольно широк; в условиях нарастания революционаризма в конце XIX – начале XX в. на автора (субъекта) возлагались идеологические функции, он получал статус рупора истории и идей. Исследование природы авторского начала в основном следовало за тем, каким внешним воздействиям был подвержен автор (субъект) — социальным, политическим, экономическим и другим — и как они проявились в его действиях. Создавались предпосылки для оценивания статуса автора (субъекта) в категориях жизни и смерти, но с функциональной точки зрения: на что способен автор, насколько его позиция жизнеспособна, что с ним произойдет при утрате тех или иных его качеств.

Для феноменологии тема автора (субъекта) вряд ли имела первостепенное значение, однако именно представители этого направления обратили внимание на авторское начало в его вневходимой сущности. В противовес «внешнему» функционализму автора (субъекта) феноменологи предложили свой путь — к «внутреннему» миру автора. Используя метафоры жизни и смерти, они оттенили способность автора к переживанию бытия. Для феноменологов ключевой момент анализа бытия связан с трансцендированием мира вещей; авторское начало ими понималось как трансценденция.

Новизна настоящей статьи заключается в том, что в философских дискуссиях об авторском начале и авторе (субъекте) как таковом в XIX–XX вв. найден и обобщен «паритетный» ракурс, уравнивающий «внешние» и «внутренние» факторы авторского начала — его функции и его «жизненный мир». Речь идет о феноменологической оптике. Представляется, что именно феноменологи, предложив в качестве определяющей характеристики авторского начала его «вневходимость»

в бытии, вероятно, исчерпали таким образом саму суть спора о жизни и смерти автора. Более того, они предложили действенный способ «объективации» авторского начала не через функции, а интенциональный акт, в котором автор (субъект) переживает бытие. Между тем дискуссия о жизни и смерти автора продолжалась и далее, в нее активно вступили, как известно, постструктуралисты, а затем и постмодернисты, но их возврат к функциональным оценкам авторского начала (как в тезисе Ролана Барта о смерти автора) не поколебал феноменологической позиции. Такая позиция могла бы соответствовать «феноменологии автора» или даже «феноменологии субъектности», если бы они были интегрированы в феноменологическую оптику.

В современном опыте рецепции авторского начала преобладающими являются три ключевых направления, но все они так или иначе обобщают идеи о включенности/исключенности автора (субъекта) из повседневности. Прежде всего обращает на себя внимание попытка представить авторское начало в бытии как отражение «воплощенного субъекта», самодостаточного, наделенного функциями раскрытия символов и кодов бытия (Gracia Jorge, 1996; MacKenzie, 2025; Zahavi, 2008; 2014). Такой автор представляется исследователям как деятельный субъект, онтологический статус которого раскрывается в его агентности: автор ставит перед собой цель как можно полнее собрать нужную ему информацию и передать всем заинтересованным лицам (Agger, 2001; Archer, 2007). Конечно, в таком ракурсе исследователи подвержены большому влиянию современных трендов, связанных с искусственным интеллектом, электронными помощниками и т. д., где авторское начало «перекладывается» на агента (Vlaad, 2025). Но все же основная идея в этих работах — это поиск пределов субъектности в условиях стирания границ авторского начала.

Другая линия исследований приближается к феноменологической — ученые затрагивают тему самосознания автора (субъекта), но такой подход близко граничит с психологическим, нередко во главу угла ставит «самость» субъекта (Janzen, 2008; Zahavi, 2008; 2020), что несколько затрудняет развитие данной темы ввиду ее ограниченности. Вместе с тем стоит отметить, что исследователи, приводя аргументы в пользу «самосознания автора», нередко сосредоточены на том, какие именно детерминанты событий способствуют «раскрытию самосознания» (Denman, 2020). В числе таких воздействующих на автора ценностно-смысловых структур называют стремление к истине (Dave, 2010), необходимость присутствия во времени и пространстве (локализация)

(Fasching, 2012) и т. д. Проблематика самосознания автора наталкивает исследователей на мысль о том, что функциональная природа авторского начала заключается в его присутствии в каком-либо смысловом локусе — в историческом процессе (Jalbert, 2003; Levine, 1999), творчестве (Montague, 2016), познании окружающей реальности (Renaut, 1997) и т. д. Затрагиваются исследователями в связи с самосознанием автора и темы Другого, его идентичности, противопоставления Мы/Они (Denman, 2020; Renaut, 1997). Так или иначе, исследователи предлагают рассматривать авторское начало как своего рода «продолжение самосознания», «самости» субъекта, его исключительности и самодостаточности. В частности, Дэн Захави отмечает, что «самосознание субъекта направляет интенциональный акт на самого себя, однако продуктивность такого воздействия подчинена исключительно свойствам самого субъекта» (Zahavi, 2020: 71). В таком ракурсе функциональность автора ограничена его внутренним потенциалом, осознанием своего положения в мире.

Наконец, третья дискуссионная площадка разворачивается в корпусе современных представителей феноменологии. У них, пожалуй, главный тренд — интенциональность автора. Но решение этого вопроса строится на интенциональности не как переживании бытия, осознанности бытия, а как преодолении субъектом множества препятствий, включая утрату своей субъектности в силу «растворения в глубинах истории» или социальной жизни, где высока цена консолидированного субъекта (общества, народа, населения). «Классические» феноменологи во главе с Гуссерлем видели авторское начало в том, как субъект способен переживать бытие; феноменологи современные в большей степени уделяют внимание «иссяканию бытия» в рецепции автора. Так, например, Майкл Гриффитс убежден, что «смерть автора предстает как утрата субъектом интенционального акта; в таком случае его рецепция ограничена поиском возможностей исправить данную ситуацию, но их может оказаться недостаточно для исправления положения» (Griffiths, 2025: 89). Феноменологи, разделяя наряду с постструктуралистами и постмодернистами интерес к теме смерти автора, тем не менее предлагают свой ракурс ее обсуждения. Главным образом их исследовательская линия вырисовывается в «развертывании» интенционального акта от субъекта к окружающему миру вещей, что должно вернуть автору его функциональность. В частности, феноменологи предлагают идентифицировать смерть субъекта как его «переход» в стадию Другого (Johnsto, 2010: 100–102) или же как перерождение в медиатора символического

обмена, при котором опыт «обменивается» на переживание бытия (Lin, 2018), и т. д. В конечном счете исследователи не выходят за границы самого субъекта и ведут поиск авторского начала в его собственных свойствах. Этот момент может указывать на попытку представить авторское начало в его трансцендентности, но все же предложенный ими ракурс «феноменологии автора» зиждется на функциональности, определяемой действиями субъекта, его включенностью в событийность, его отношением к истории, творчеству и т. д., наконец, на его повышенном внимании к самому себе, граничащем с самосознанием.

Современное прочтение «феноменологии автора» видится в том, что предложенная ее представителями Гуссерлем, Шаппом, Ставенхагеном и другими концептуализация позволяет поддерживать ракурс экзистенциального осмысления субъектности и авторского начала в эпохи, когда такой ракурс преимущественно смещается в поле социальных, политических, экономических и иных сущностей и идентичностей субъекта. Разумеется, в том, что так происходит, нет какого-либо злого умысла или исключительно негативных коннотаций, но такой поворот в рецепции субъектности «растворяет» автора в утилитаристских исканиях, возможно, нивелирует собственно антропологический поворот и т. д.

Для того чтобы была понятна логика в моих обобщениях, я, с одной стороны, последую за Гуссерлем, который делал акцент на рецепции авторского начала в истории, творчестве и опыте, аргументируя такую последовательность «мерой» переживания бытия автором (субъектом): в истории такое переживание связано с событийностью, в творчестве — с поиском смыслов, в опыте — со способностью к трансцендированию мира вещей. С другой стороны, связка «история — творчество — опыт» позволяет показать, насколько в них последовательно авторское начало набирает свою силу: в истории оно проявлено как «внезаходимое», в творчестве — как рецептивное (интенциональный акт направлен на постижение переживаемого мира), в опыте автор (субъект) обладает силой осознавать мир вещей.

В статье я буду обращаться к широкому пласту феноменологических работ и переписке; местами, возможно, сначала покажется, что я увлечен пересказом каких-либо идей, событий и деталей, однако хотел бы на этот счет уведомить читателей, что мне пришлось внимательно перечитать источники, чтобы уловить в общем-то не свойственную феноменологам увлеченность темой авторского начала и определение ими статуса автора (субъекта) как такового. Это обстоятельство позволяет,

как я полагаю, открыть новую страницу в обсуждаемой тематике — своеобразную «феноменологию автора».

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПЛИКИ В СТОРОНУ АВТОРА (СУБЪЕКТА)

В 1905 г. Вильгельм Дильтей в одном из писем, адресованных Гуссерлю, обсуждая некоторые вопросы герменевтики жизни и метафизики, вдруг отклоняется от этой темы и сетует на то, что «осознание мира вещей будто бы запаздывает, потому что субъект не успевает осознавать и интерпретировать события, пока он только приблизится к этому состоянию, история стремительно уходит прочь». Далее Дильтей спрашивает: «Зачем же тогда истории нужен субъект? Пусть она живет своей жизнью, а он... Что же он? Пусть хоть умирает...» (Dilthey an Husserl, 16.V.1905, 1994: 152). Неизвестно, что ответил на это послание адресат Дильтея, однако чуть позднее Гуссерль в рецензии на одну из статей чешского мыслителя и государственного деятеля Томаша Масарика «Слово и субъект» для известного журнала «Атенеум» отмечал:

Я размышляю о субъекте несколько иначе, чем вы, как я полагаю, собственно, как и другие (например, Дильтей. — *Е.П.*). Для меня — субъект и опыт, для вас — история и ее события. В чем же разница? Да в том, что история уносит субъекта в дебри, там он и сгинет, а опыт, напротив, дает ему жизнь (см. Semerari, 1985: 361).

Дискуссии о субъекте и его «границах» в бытии, а точнее, об осознании и интерпретации им (субъектом) ипостасей бытия — сложная философская ниша, в которой оказывались многие мыслители, в том числе и представители феноменологического философского направления. Обнаружилась, по крайней мере, тернарная система *субъект — история — опыт*, в которой, в частности, субъекту приписывался особый статус (в различных вариантах: «сгинет в истории» и др.).

С этой точки зрения важен феноменологический ракурс, поскольку феноменологами авторское начало оценивалось с двух позиций:

- (1) как отражение вовлеченности субъекта в события и передача им смыслов, которыми это событие обладает;
- (2) как возможность интенциональной реакции на происходящие в мире вещей явления.

Собственно, в этом и будет состоять цель настоящей статьи — показать специфику рецепции авторского начала в феноменологической оптике, чтобы представить самодостаточную «феноменологию автора», в которой имеется одно противоречие: авторское начало «внезаходимо»

в бытии, а автор между тем вовлечен в событийность. Разрешение этого противоречия — в интенциональности: автор, обладая интенциональным актом, способен «воспарить» над смыслами бытия и в то же время их трактовать.

Дискуссии об авторском начале в бытии активно велись на страницах «Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям» начиная с 1914 г. В этом издании появилось несколько красноречивых статей, которые были написаны не очень известными исследователями, но способствовали обретению некоего равновесия в спорах. Так, в статье Гектора Смилла речь шла о том, что «если ставить вопрос о роли авторского начала в интенциональных актах, то нужно определить, следует ли тогда учитывать позицию самого автора, его отношение к тому, с чем он соприкасается»; далее в выпуске «Ежегодника» в 1915 г. были опубликованы две статьи — Генриха Отто и Дитриха Гейнзе, посвященные обсуждению проблемы «внеаходимости» автора в бытии: в этих работах, пожалуй, впервые для феноменологии более конкретно прозвучала мысль о «статусе» автора — жив он или мертв (см. *Phenomenology and Philosophy of Mind*, 2005: 88–89)? Собственно, прояснение «статуса» автора именно в таком ключе, по-видимому, вызвано сразу несколькими обстоятельствами, лежащими и в плоскости феноменологической оптики, и за ее пределами. В частности, в переписке Дильтея и Гуссерля неоднократно появлялась мысль об авторе как непреложном элементе так называемого герменевтического круга¹, но Дильтей будто бы сетовал по поводу того, что осознать мир вещей в его историческом ракурсе, а не только «внеаходимом», априорном, неосознаваемом, должен автор с выраженной «тягой к жизни» (*Dilthey an Husserl*, 21.VII.1908, 1994). Закономерно, что в феноменологической оптике в данном случае отражаются известные установки философии и герменевтики жизни, которые разделял Дильтей. «Тяга к жизни» могла интерпретироваться как преодоление автором препятствий на его пути (например, тяга к жизни вопреки предписаниям судьбы или истории). Но что если автор утрачивал эту «тягу к жизни»?

¹ Отметим, что здесь используется условное понятие, как нам представляется, в наибольшей степени отражающее процесс осознания реальности. Оно не принадлежит Дильтею, но если это было бы так, то, вероятно, его содержание заключалось бы в повторении процедур с участием субъекта: от интерпретации к новой интерпретации, от понимания к другому пониманию, от интенции к следующей интенции. В «Герменевтике» Дильтей, в частности, обращает внимание на такую возможность (Дильтей, Библихин и Михайлов, 2001: 114–116).

Приведенные феноменологические реплики в сторону автора (субъекта) послужат направлением исследования. Вероятно, даже можно предположить некоторое ответвление классической феноменологии (возможно, феноменологической этики или эстетики), в ракурсе которой дается оценка авторскому началу (опыту), — «феноменология автора». Полагаю, что объяснением этому обстоятельству может служить прежде всего тот факт, что феноменология в целом оказалась на пути разделения опытного и (не)опытного начал бытия, а в рецепции, например, опыта трудно или даже невозможно отринуть субъектность и, следовательно, «проявленность» авторского начала: автор как субъект — осознающий и осмысливающий, но и сам представляет собой *со-бытийность* (вовлеченность в бытие, переживание бытия и т. д.).

Гуссерль видел логику рецепции авторского начала в такой последовательности: история — творчество — опыт. Для каждой ипостаси бытия оценка авторского начала лежала в плоскости интенциональности; по Гуссерлю, именно эти три ипостаси отражают «меру» вовлеченности автора в ход вещей.

АВТОР (СУБЪЕКТ) — ИСТОРИЯ

Исторический процесс осмыслялся представителями феноменологии в двух основных направлениях: во-первых, *со-бытийном* (чаще всего в этом ракурсе использовалось понятие переживания бытия: «история как переживание бытия» у Гуссерля (Husserl, Brough, 1991: 112); «исторические события преломляются в переживании бытия» у Шаппа (Schapp, 1930: 110)) и, во-вторых, *интенциональном*: Гуссерль, в частности, полагал, что для постижения истории необходимо интенциональное переживание (Husserl, Sheehan & Palmer, 1997: 282). И в первом случае, и во втором вовлеченность в историческое событие, а также интенциональный акт идентифицируются как «пределы субъектности». Так, например, Дитрих фон Гильдебранд склонен считать, что субъект ограничен в той ситуации, когда он вовлечен в исторические события, а интенциональный акт совершается вне каких-либо препятствий, по выражению Гуссерля (*ibid.*: 283–284).

Для рефлексии исторического процесса и истории как таковой с точки зрения феноменологии мыслители и исследователи обращались к различным категориям, позволяющим наиболее точно представить историю как своеобразный жизненный мир. Многие писали об интенциональности в историческом процессе, об онтологии и герменевтике истории и т. д. По сути, феноменологи в этом вопросе вставали на позицию

философии истории, в рамках которой речь шла о субъектности исторического процесса и событий, о вовлеченности в них человека. Но еще более значимой для них был поиск оснований такой вовлеченности. Так, например, в одном из писем Дильтея графу Паулю фон Вартенбургу приводится некий алгоритм «дифференциации субъекта» в историческом процессе: сначала важно понять, «насколько исторический контекст захватывает субъекта, не позволяет ему вскинуть голову, чтобы осознать грани разворачивающихся перед ним событий», затем, как пишет Дильтей, «нужно схватить самого субъекта, оценить его опыт, включенность в исторические обобщения», наконец, «нужно понять, является ли сам субъект предметно-историческим или все же следует рассматривать его как трансценденцию» (Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey..., 1923: 99, 100).

Такой «алгоритм» дает возможность определить важные свойства субъекта, например, связанные с интенциональностью. И не только потому, что Дильтей, как известно, признавал бóльшую ценность исторического контекста по сравнению с ценностью субъекта в истории, но еще и по другой причине: мир вещей подвержен трансцендированию (непостижимости в бытии), а значит, субъект теряет силу в его осознании и трактовке. В том же письме графу фон Вартенбургу Дильтей уточняет, что «история трансцендентна не в своей событийности, а в открытии самой возможности постижения мира вещей, что же до субъекта, то он совсем скромнен — он как будто заложник истории, исторических событий...» (ibid.: 100).

Однако в некоторых своих работах мыслитель придерживался и иного понимания субъекта в историческом процессе. По мнению исследователей, отношение мыслителя к истории и роли субъекта в ней

предполагает помещение объекта всемирной истории в некоторые рамки, позволяющие рассматривать историю как нечто продолжающееся, суждения в области истории в этом варианте подлежат множественной *переинтерпретации*, то есть в истории не может быть какого-то одного навсегда законченного смысла. Так как история представляет собой нечто вечно длящееся, то даже говоря о давно прошедших эпохах, в разное время будут выноситься абсолютно различные суждения, зависящие от целей, мотивов, нужд выражающего свою точку зрения субъекта, независимо от того, насколько этот субъект причастен к историческим событиям, о которых идет речь (Хамитов, 2018: 135. Курсив мой. — Е. П.).

В действительности Дильтей развивал идею о том, что допустимость множественности трактовок и «переинтерпретаций» истории и событий

предполагает автономность субъекта, его незаинтересованную вовлеченность в исторический процесс. Такой ракурс обнаруживается в более поздних работах Дильтея, например в «Построении исторического мира в науках о духе» (1927). В этом тексте мыслитель, придерживаясь суждений о «герменевтическом повороте» в рецепции истории, определяет роль субъекта в ней как лишнего авторского начала, «стираемого необходимостью многократно взирать на события и привносить в их интерпретации все новые смыслы, подчиненные не ему самому, а самой истории» (Дильтей, Куренной, 2004: 219).

Дильтею важно было понять, как отражаются различные формы «переживания жизни»² в сознании субъекта. С его точки зрения, сначала для субъекта важна «длительность, схватываемая в понимании»: «субъект реагирует на то, как история разворачивается перед ним; реагирует — не значит до конца осознает ее ход и имеет достаточный опыт для понимания длительности процесса» (там же: 240, 241), далее должно последовать «перенесение-себя-на-место-другого, воссоздание, повторное переживание» (такое перенесение и переживание Дильтей находит необходимым для самоутверждения субъекта перед событийным потоком истории (там же: 250–260).

Стоит предположить, что апогея в рецепции субъекта исторического процесса Дильтей достигает в рассуждениях о критике исторического разума в третьей части «Построения исторического мира в науках о духе». В частности, описывая «взаимосвязи жизни», мыслитель отмечает, что «субъекты высказываний об историческом мире — от течения индивидуальной жизни до жизни человечества — характеризуются только определенным способом взаимосвязи в четко ограниченных рамках» (там же: 245). Для субъектов, как и в целом для истории, крайне важны эти взаимосвязи; на уровне *со-бытийности* они предопределяют ход вещей и некоторые результаты исторического процесса, субъекту же они дают возможность оценивать события «с точки зрения жизни, а не смерти», по выражению Дильтея (там же).

В 2012 г., в первое десятилетие после создания Британской философской ассоциации, на сайте этой общественной организации был вывешен баннер, известивший всех любителей философии о том, что «Актеры,

²Следует подчеркнуть, что часто встречающийся в работах феноменологов концепт «переживания бытия» не удовлетворял в полной мере Дильтея, он находил в нем «предполагаемую многогранность самого субъекта, а вовсе не бытия, а на деле субъект, как оказывается, не обладал такой основательной способностью» (Дильтей, Куренной, 2004: 240).

авторы, агенты, реципиенты и остальные объединяются ради жизни» («Actors, authors, agents, recipients and others unite for the sake of life»)³. Эта информация предвляла крупный форум «Философия жизни: история назад и вперед». Примечательно, что конференция включала две секции, обе посвященные проблематике поиска авторского начала или автора (субъекта) как такового, с той лишь разницей, что первая секция уделила внимание истории, а вторая — человеческому творчеству. Общей стала итоговая резолюция:

Философия и философы должны найти субъекта, вдохнуть в него жизнь, придать ему сил для нового взгляда на всемирную историю, позволить ему наконец-то высказать то, что он думает сам, а не кто-то это делает за него (см.: International Phenomenological Society, 2013: 16–17).

Переключки в рецепции автора (субъекта) в начале века двадцатого и века двадцать первого свидетельствуют, как нам представляется, не только о сохраняющемся интересе философии к проблеме автора (субъекта), но и о желании «воскресить» его (если он все же не был жив) для важной миссии — ценностной рефлексии бытия в его переживании. Вероятно, более определенно такое предназначение автора предписано творчеству.

АВТОР (СУБЪЕКТ) — ТВОРЧЕСТВО

Всмотримся в человеческий мир. В нем мы встречаем поэтов.

Вильгельм Дильтей, *Категории жизни. Жизнь*⁴

Наиболее определенно феноменологический ракурс коснулся проблемы автора (субъекта) в творчестве. В нем можно представить авторское начало как «перенесение-себя-на-место-другого», используя логику Дильтея. В «феноменологии автора» акцент сделан на переживании автором бытия как интенциональном акте. Для представителей феноменологии творчество является состоянием, отражающим схватывание мира вещей. Создается впечатление, что феноменологи идут по пути оценивания переживания бытия, в которое автор (субъект) оказывается вовлеченным помимо себя или все же по собственной воле.

³См.: British Philosophy Association. URL: <https://bpa.ac.uk/activities/philosophymatters/>.

⁴Дильтей, Куренной, 2004: 275.

Разговор об этом начал Дильтей. Отвлекаясь от исторического процесса и его субъектности, немецкий философ посчитал необходимым развить мысль об авторе как преломляющем бытие-в-себе (или постигающем бытие-в-себе). В этом заключается «великая тайна поэта», но в этом же состоит и возможность схватывания реальности в поэтическом творчестве. Дильтей уверен:

...великая тайна поэта, созидающего поверх жизни новую реальность, которая, потрясая нашу душу подобно самой жизни, расширяет и возвышает ее, может быть разгадана лишь тогда, когда будет осмыслена сопряженность человеческого мира и его наиболее характерных черт с поэзией (Дильтей, Куренной, 2004: 275–276).

Выражение «поверх жизни» здесь может быть истолковано двояко: с одной стороны, созидание новой реальности всегда предполагает «бытие-в-себе»; с другой стороны, поэт должен быть способен к истолкованиям новой реальности, к схватыванию ее в значениях и смыслах. Следовательно, по Дильтею, автор растворяется в бытии, но может оказаться не вовлеченным в него, не способным к схватыванию смыслов новой реальности.

Дильтей предлагает в оценке автора (субъекта) ссылаться на то, как именно он способен постичь бытие, интерпретировать новые смыслы и значения, например, через поэзию, музыку, философию. Так, в «Герменевтике» мыслитель посвятил специальный раздел описанию внутренней организации поэта, но вышел за рамки только поэзии:

...это конститутивный процесс приобретения опыта, закладывающий определенную связку содержаний, затем акты, в которых эта связка впоследствии вновь встречалась в полном или частичном виде, постигаемые при этом с учетом разделяющих их промежутков, наконец, данное в настоящую минуту состояние сознания, на основе которого имело место репродуцирование, причем вновь с включением того промежутка, которое отделяет его от последнего во времени события репродуцирования вещей (Дильтей, Библихин и Михайлов, 2001: 311).

Как видим, автор может выполнять репродуцирование некоторых вещей, их осознание и трансляцию предписанных им смыслов, и апелляция к его опыту связана с необходимостью такого репродуцирования или воспроизведения вещей и самой реальности. С точки зрения Дильтея, «репродуцирование» бытия могло осуществляться без автора (субъекта) совершенно другими апологетами или трансценденциями (Богом, космосом, Вселенной и др.). В дальнейших рассуждениях Дильтей уже

не препарировал авторское начало, а увязывал его с «волей, трансцендирующей действительность» (Дильтей, Бибахин и Михайлов, 2001: 316). Нетрудно заметить, что поэт (автор) «подменялся» опытом, волей, самой жизнью и окружающей реальностью, а не словом, идущим из его сознания и связанным с его субъектностью. Мыслитель в «Герменевтике» прочно увязал жизнеспособность автора с репродуцированием бытия, однако некоторое сомнение все же оставалось: жизнь дает смыслы, а автор лишь их пересказывает; преломляя жизнь, уходит от ее проблем, становясь «предносящимся образом эффекта действия» (там же). Отмечу между тем, что автор как субъект оказался в подвешенном состоянии — по мысли Дильтея, он растворялся в истории и бытии, однако философ допускал, что есть иные, более значимые способы репродуцирования вещей и смыслов, лежащие в плоскости бытийности, а не авторского слова или мысли. Понимаемая философом бытийность вещей как своего рода их «внеаходимость», «внесубъектность» существенно ограничивала роль автора в их осознании.

Дильтей, таким образом, акцентировал внимание на развертывании бытия в границах мира вещей, независимого от субъектности автора; отчасти эту позицию разделил и представитель феноменологии Вильгельм Шапп (1884–1965). Он в большей степени получил известность как феноменолог истории и событийности, однако в одной из основных его работ «Труды по феноменологии, этике и эстетике» (1925) акцент был сделан на трансцендентальном ракурсе осмысления автора как субъекта. Закономерно, что для Шаппа-феноменолога смысл — это порождение сознания субъекта, но смысл также присущ и миру вещей, не всегда подвластному осознанию и пониманию. Этот мир вещей составляет часть бытийности, а потому он не зависит от каких-либо внешних обстоятельств и тем более не может быть раскрыт в частных интерпретациях автора (субъекта).

С этой точки зрения Шапп уверен, что сознание автора — единственная возможность схватывать бытийность. Мыслитель подходит к рассмотрению данного вопроса с точки зрения возможности отражения бытия, используя при этом два ключевых понятия феноменологии: мир вещей и трансцендирование мира вещей.

Мир вещей трактуется им как «обезличенная, внесубъектная, внеаходимая данность бытия, осознание которой в полной мере невозможно» (Schapp, 2013: 70). Однако, как видим, невозможность осознания мира вещей — не исключительная, Шапп оставляет лазейку для некоего вмешательства со стороны субъекта в понимание мира вещей и для его

интерпретации. Конечно, следует иметь в виду, что вещи в феноменологическом ракурсе не имеют ничего общего с какими-либо повседневными предметами обихода, окружающими человека, «феноменологические» вещи скорее предстают как эйдосы, как «онтосы» или образы бытийности. Мир вещей абсолютизирует смыслы, заключенные в них, это своего рода бездонная величина смыслов, познать которые никому не под силу, разве что Богу. Шапп указывает на то, что автор лишь способен самоувериться в доступности для него каких-либо смыслов бытийности, но это глубокое заблуждение, они ускользают от него, нередко превращаясь в «поток сознания»:

Мир вещей не может покориться кому-либо; обладая некими свойствами вневходимости, он как данность становится неотъемлемой частью бытийности. Любому, кто захочет противопоставить себя миру вещей, нужно решить вопрос о его значении в переживании бытия. Ни один субъект, обладающий даром слова, будь то автор произведения, не имеет способности противостоять бытию, где смыслы и образы пересекаются друг с другом (Schapp, 2013: 99).

Вторая категория, используемая Шаппом в концептуальном поиске предназначения автора (субъекта), — это категория *трансцендирования* мира вещей. По сути, она обозначает некоторое допущение самой возможности проникнуть в смыслообразование на уровне сознания субъекта. Говоря о трансцендировании мира вещей, Шапп имеет в виду вовсе не вмешательство субъекта в этот сложный процесс, а лишь его осознанную и/или бессознательную реакцию на него, как будто автор находится в «ином мире» в надежде раскрыть потусторонние тайны бытия (ibid.: 101–103). Вполне возможно, «иной мир» для автора (субъекта) — не что иное, как его переход в небытие, он становится незаметным, неосязаемым, сохраняя при этом лишь автоматизм в передаче смыслов. В итоге сущность автора не в том, что он блуждает в потоке сознания или в море текстов и смыслов, а в том, что он не способен постичь мир вещей в его бытийности, смыслы бытия всегда ускользают от него, становятся недостижимыми для понимания.

Шапп видит в авторском начале его символическую ипостась, полагая, что

автор должен жить как символ переживания бытия — его сила в том и состоит, что бытие откликается в нем, дает надежду, но мир вещей по-прежнему ускользает от него и так же недостижим, как космос, Вселенная или Бог (ibid.: 101).

Так или иначе, наблюдается вариативность в определении роли автора — Шапп отвел ему место в смыслообразовании, но только как субъекту, транслирующему смыслы.

Таким образом, автор, с точки зрения немецкого феноменолога, не способен трансцендировать мир вещей (создавать смыслы, в отличие от природы, Вселенной, космоса и логоса), — и с этой позиции автор лишь формально участвует в смыслообразовании, но в процессе трансцендирования он участия не принимает. Однако автору свойственно переживание бытия. На этом настаивал Дильтей, отчасти этой позиции придерживался и Шапп.

Но в трудах мыслителя тем не менее обнаруживается еще одна деталь, которая заметно расширяет границы бытийности автора (субъекта). С точки зрения Шаппа, творчество, как, собственно, и исторический процесс, *вовлекает* в себя субъекта. Такой акцент сделан в одной из ключевых работ Шаппа — «Вовлеченный в историю» (*In Geschichten verstrickt*).

Вовлеченность подразумевает сразу несколько вариаций присутствия автора в творческом акте. Несмотря на то что Шапп, по сути, отказал автору в главенствующей (и вообще в какой-либо) роли в трансцендировании мира вещей, он, однако, не исключил субъектность переживания бытия, выраженную в художественном творчестве. Так, например, наделяя лирического героя в поэзии свойствами вовлеченности в событие, которое должно быть соотнесено с явлениями, происходящими в природе, немецкий философ демонстрирует не столько гармонизацию отношений субъекта и природного мира, сколько переживаемые лирическим героем чувства и эмоции. Шапп полагает, что именно они позволяют автору оказаться «под особым углом зрения — как тогда, когда субъект еще не прояснил авторского начала ни в своих действиях, ни в своем сознании, но переживаемое им бытие приближает его к трансценденции» (Schapp, 2012: 102).

В таком случае, вероятно, субъект нуждается в «прояснении» авторского начала, но возникает вопрос: сам ли он должен это делать, задавая тональность рефлексии, например, в своем лирическом герое, или же кто-то иной должен сделать это за автора? Дильтей, предположим, мог бы написать по этому поводу: «автор подчинен смыслу»; Шапп, скорее всего, сказал бы иначе: «автор — вовлеченный *Другой*, он извлекает смысл из бытия или небытия». Следовательно, автор, переживая бытие, становится его неотъемлемой частью, но при этом оказывается

лишенным возможности толковать трансценденции. Примеры с лирическим героем, отождествляемым с автором, довольно распространены в феноменологической оптике и, в частности, в эстетике. Между тем на основании того, что лирический герой передает смыслы бытия и переживание бытия становится его важнейшей особенностью, еще нельзя точно определить его статус. К примеру, феноменолог Р. Ингарден склонен был считать, что «только лирический субъект и жив в сумбуре переживаний, но также и знаковых выражений в текстах поэзии и прозы, все другие помимо него как будто бы головы и не поднимают» (Ингарден, Ермилов и Федоров, 1962: 44).

Шапп предлагает также несколько другой вариант оценки присутствия автора в творчестве, который, пожалуй, в наибольшей степени проясняет выражение авторского начала. Для этого философ обращается к интенциональному акту, представляющему собой «включенность автора в смыслы и постижение бытия их посредством» (Schapp, 2012: 117). Шапп между тем описывал «перерождение автора», когда он становился частью бытия или же самим бытием:

...интенциональный акт есть способ, каким автор достигает своей трансценденции. И эта трансценденция по своей сути обеспечивает ему включенность в бытие наравне с иными априорными началами. Тогда, когда авторское начало развертывается в своей априорности, оно не дано никому, ни автору, ни интерпретатору, ни какому-либо иному субъекту. Однако если автор и сам есть вовлеченный в бытие, то он постигает его необозримые смыслы и не растворяется в бытии, а сам становится его ипостасью. Но вот что важно. Если мы говорим: вовлеченный, значит, кто-то или что-то этому предшествовало и направляло свою волю и силу для такого действия (ibid.: 120).

Из такого суждения становится понятен смысл авторского начала как трансценденции: оно неизменно, априорно, «внеаходимо»; как бы сказал Дильтей, это «реальность, которая не может быть определена путем осознания, но простирается до неразличимых глубин, которыми мы обладаем» (Дильтей, Куренной, 2004: 278). Вполне закономерно, что в продолжение идей Гуссерля его ученик не мог обойти стороной понятие интенционального акта, присущего субъекту в постижении бытия. Но, как нам представляется, не менее значимой находкой Шаппа стала мысль о том, что автор есть вовлеченный в бытие и авторское начало есть трансценденция. Безусловно, такой подход открывает перспективы для определения «статуса» автора (субъекта), его «внеаходимо-

сти». Но хотелось бы также подчеркнуть причину заинтересованности Шаппа в такой концептуализации — она лежит не только в плоскости феноменологических исканий, но и в русле философии истории. Как известно, Шапп посвятил этому направлению значительную часть своих рассуждений. В нем обозначился поиск оснований субъектности в истории, и мыслитель писал об этом как о непреложной особенности истории, раскрывающей перспективы не только событий от прошлого в будущее, но и перспективы ценностно-нормативной определенности субъекта не самого по себе, а в пространстве истории.

Взгляд на природу авторского начала в феноменологическом ракурсе поддерживал и М. Хайдеггер. Он также делал акцент на том, что авторское начало воплощается в переживании бытия. В своей работе «Исток художественного творения» (1935–1936) он встал на сторону защитника авторского начала в творчестве, допуская, что автор может схватывать вещи: «Есть ли что-либо более естественное, чем предположение, что человек переносит на строение самой вещи тот способ, каким он, высказывая суждения, схватывает вещи?» (Хайдеггер, Михайлов, 1987: 269). В этом вопросе кроется и ответ: через высказанное суждение происходит «схватывание вещи» (там же: 267). Но все же Хайдеггер признавал «скромное» участие автора в схватывании вещей — до той поры, пока он способен переживать бытие. Однако сама постановка вопроса о такой допустимости имеет свою цену в определении статуса автора (субъекта): например, для укрепления позиций автора следовало бы оценить его превосходство по сравнению с природой, порождающей смыслы. Очевидно, что любой автор (субъект) будет проигрывать в таком сравнении: природа напрямую «схватывает вещи» и способствует созданию соответствующих им образов, автор (субъект) лишь растекается по древу, пропуская образы через собственный «поток сознания». Между тем, говоря об «истоке художественного творения», Хайдеггер показывает, что в качестве такового может выступать и сознание, и не подчиняющийся человеку природный мир, однако задача природы «схватывать вещи» — изначальна, априорна, «внезаходима», в то время как цель автора (субъекта) — последовать за этим буйством смыслов и попытаться не раствориться в них самому.

Позицию автора — «инструменталиста» во владении языком, письмом, графикой слова, но не связанного претензиями на изменение мира, обсуждает С. Н. Зенкин. Он отмечает:

Писатель ответствен за мир постольку, поскольку этот мир совпадает с языком [...] а для «пишущего» объект и инструмент, мир и язык различаются, но это не сближает его с «дровосеком», человеком другого «транзитивного типа»: его «дело» опосредовано все тем же языком и потому не является прямым ответственным изменением мира (Зенкин, 2018).

Эта мысль созвучна тому, о чем говорил и Хайдеггер в выше упоминаемой работе. При этом немецкий мыслитель разделяет пространство бытования автора на две стихии — «поток сознания» и «схватывание вещей». С. Н. Зенкин вводит значимый третий вектор — ответственность автора. Предположим, что этическая сторона смерти автора (субъекта) до сих пор не обсуждалась, однако она заслуживает внимания, хотя пока и не стала предметом исследования в настоящей статье.

Но вернемся к концепции трансцендирования мира вещей. Она делает акцент на том, что для схватывания вещей не нужен субъект — «нужно бытие». Этот взгляд имеет отношение к разворачиванию той ситуации, в которой оказался автор как субъект, а точнее, его смерть как результат «иссякания бытия», по выражению В. Шаппа (Schapp, 2013: 75). Цель трансцендирования — схватить вещи, отразить их положение в бытии. И в этом процессе у автора, его слова и его письма — лишь ограниченный круг возможностей: автор оперирует словами, передавая при их помощи смыслы, но постичь сущность описываемых вербально явлений и процессов он до конца не в силах. Словообразование подчинено трансцендированию мира вещей. Смыслы, соотносимые с природой, стихией бытия, священностью, мудростью и т. д., раскрывают полноту бытия, но не считываются автором (субъектом). Таким образом, место автора в такой ситуации не до конца прояснено — он передает смыслы, но теряется в их многозначности. Конечно, автор оперирует знаками и символами, передавая определенные смыслы, например, связанные с повседневной реальностью, но только трансцендирование мира вещей, как полагал Шапп, способно отразить полноту бытия.

Таким образом, в творчестве авторское начало с точки зрения «феноменологии автора» проявляется в схватывании смыслов, а переживание бытия, свойственное автору (субъекту), связано с передачей этих смыслов и их интенциональностью. Между тем интенциональность проявляется и в том, что автор накапливает свой субъективный опыт, который помогает ему осознавать реальность и вовлекаться в ее осознание.

АВТОР — ОПЫТ

Вопрос об авторе (субъекте) в ракурсе феноменологической оптики нельзя обсуждать без акцента на опыте (опытном начале). Для феноменологов категория опыта является одной из основных, к ней приковано внимание в силу поиска оснований постижения бытия. Считается, что опыт преломляет в себе постижение бытия. Например, Гуссерль сравнивал интенциональность с опытом; в этом сравнении мыслителю виделась особая роль субъекта, «способного к трансцендированию мира вещей» (Mogap, 2005: 66). Ключевое направление в концептуализации опытного начала заключалось в дифференциации опытного и (не)опытного. Для феноменологии эта проблема решалась с позиций постижения бытия: опыт выводит постижение бытия на «высший экзистенциальный уровень», *не*-опыт является лишь отражением субъективной рефлексии или отношения субъекта к миру вещей. Нас же в этом исследовательском поле будет интересовать то, как опытное начало формирует ценностно-смысловые установки автора (субъекта), способного в рамках интенционального акта к постижению бытия. При этом дилемма жизни и смерти применительно к такому положению вещей проясняется посредством опытного начала двумя способами. О них, в частности, писал другой ученик Гуссерля, Курт Ставенхаген, который так же, как и Шапп, начинал построение своей концепции в рамках философии истории, однако бóльшую известность получил, занимаясь вопросами феноменологической эстетики.

Для Ставенхагена автор — это тот, кто определяет свой собственный ценностный мир, опираясь на два вида опыта — экзистенциальный и социальный. Наиболее значимой ценностью для автора является постижение бытия посредством интенционального акта. Так, например, мыслитель описывает случай с куском мрамора⁵, с которым имеет дело автор: с одной стороны, автор видит лишь мрамор, соотносимый абсолютно с любым источником повседневной жизни субъекта — горой, оврагом, ребенком, рисующим на асфальте, уставшим и присевшим на камень отдохнуть путником и т. д. (Ставенхаген поясняет: «автор никак не достигает здесь интенционального акта, он лишь выступает в роли оценщика, составляющего мнение о куске мрамора как о чем-то, принадлежащем чему-то» (Stavenhagen, 1979: 97)). С другой стороны,

⁵Примечательно, что кусок мрамора в феноменологической оптике является довольно популярным примером для концептуализации представителей эстетики. К нему прибегали, в частности, Р. Ингарден, А. Райнах, Д. фон Гильдебранд.

кусок мрамора, «являясь продолжением жизни или смерти, становится для субъекта его ценностным миром, в котором тот постигает бытие и получает свой опыт» (Stavenhagen, 1979: 98). Опыт и есть ценностный мир субъекта.

Итак, в «феноменологии автора» акцент сделан на интенциональности, свойственной субъекту. Опытное начало проявляется в отношении автора к миру вещей — отношении эстетическом, морально-нравственном или ином. Владение таким опытом, с точки зрения Ставенхагена, «одухотворяет автора, отражает в его ценностном мире отношение к порядку бытия, к переживанию бытия» (ibid.). В то же время «мир вещей всегда подвержен трансценденции, отношение к нему — это субъективный опыт», как полагал Гуссерль (цит. по: Parsons, 2012: 88). Дилемма состоит не в том, что автор должен сформировать свое отношение к миру вещей, к смыслам, «приписанным» вещам, или, напротив, по каким-то причинам не может этого сделать, а в том, что выбор даётся единожды или многократно. Действительно, по словам ученика Гуссерля, Адольфа Райнаха, «субъект в своем отношении к миру выбирает не то, что внутри мира вещей, а что снаружи, однако отношение как таковое, в его „внеаходимом“ смысле, ни от кого не зависит, оно априорно в бытийном развертывании» (Reinach, 1911: 191). Авторское начало проявляется множественностью отношений субъекта к миру вещей, к повседневности, предметам, людям, природе и т. д.

В 1918 г. К. Ставенхаген в письме М. Веберу по поводу «идеальных типов» как «продолжения опытного начала бытия» предложил обсудить то, как «уравнивается интенциональный акт и переживание бытия в отношении субъекта к миру вещей»⁶ (цит. по: *Phenomenology and Philosophy of Mind*, 2005: 65). Не совсем понятно, по какой причине эти слова были адресованы именно Веберу, однако, судя по всему, сама идея идеального типа для феноменологов могла стать направляющей в их поисках оснований интенциональности; ключевой для них вопрос к Веберу мог быть, например, сформулирован следующим образом: является ли интенциональный акт необходимым условием развертывания опыта в творчестве, науке, познании, постижении бытия? Конечно, ответы

⁶Можно, конечно, здесь предположить некий призыв к Макс Веберу взглянуть на идеальный тип в ракурсе феноменологической оптики; реакция Вебера на это обращение неизвестна, разве что косвенно можно судить о его мнении на этот счет по тому, как он в своем письме Эрнсту Трельчу прокомментировал возможность «реакции на идеальный тип с точки зрения его осознанности, что совершенно изменяет саму природу идеального типа» (см.: Каубе, Тимофеева, 2016: 75).

от мыслителей могли последовать совершенно разные, и вряд ли они в той или иной степени удовлетворили бы корпус феноменологов. Тем не менее вопрос не праздный, он следует и за рассуждениями Гуссерля об идеальном жизненном мире, и за последующими дискуссиями самих представителей феноменологии, вписывающими опыт в интенциональность или исключаяющими его из таковой.

Но вернемся к мысли Ставенхагена. Он, по сути, предпринимает попытку обосновать возможность автора постигать бытие и за счет опыта, и в силу необходимости осознания событий и вовлеченности субъекта в них (посредством «интенционального акта»). Тогда, с одной стороны, автор, по мнению мыслителя, становится «слабым, потому что его собственного опыта явно недостаточно для постижения бытия, а опыт „внезаходимый“ для него недостижим» (Stavenhagen, 1979: 115). «Слабость» автора (субъекта) — это его смерть, потому что опыт «сражает его в бессилии и неотвратимости» (*in Machtlosigkeit und Unvermeidlichkeit*). Это оборачивается всего лишь «субъективным опытом, а не тем, что развертывается как непостижимое» (*ibid.*: 116). С другой стороны, интенциональный акт «вовлекает» субъекта в творчество, историю, события; осознание этих ипостасей бытия составляет ценностный мир субъекта. В таком случае интенциональный акт, если следовать логике рассуждений Ставенхагена, дает автору (субъекту) осознанность.

В изложении Ставенхагена и некоторых других представителей феноменологии вопрос о статусе (субъекта) — его вовлеченности в события или «внезаходимости» (трансцендентности) — явно выходит за рамки определения субъектности как таковой. Все дело в концептуализации отношения субъекта к опыту, природе и т. д. и «внезаходимости» трансценденций, что предполагает исключенность из них какого-либо субъекта. А опыт в таком случае сам становится трансценденцией как данность. Феноменологи, казалось бы, были близки к решению этой проблемы: они, в частности разделяли опыт как опытное начало в бытии (трансценденцию) и *не*-опыт или субъективный опыт, присущий субъекту всего лишь в наборе его действий и в условиях тех или иных событий. И Шапп, и Ставенхаген, отчасти и Гуссерль рассматривали субъекта с точки зрения «носителя» ценностного мира (жизненного мира), в котором опыт является лишь предпосылкой к постижению бытия, для чего необходимы не просто конкретные действия и проявления чувств и эмоций, но интенциональный акт. Так что же? Автор (субъект) вовлечен или «внезаходим» в бытии?

Следуя за концептуальными построениями Ставенхагена, мы можем вести речь об амбивалентном состоянии (или «статусе») автора. Он вовлечен в событийность, если способен к интенциональному акту, к постижению бытия, и, вероятно, «внезаходим», не обретая опыта в переживании бытия. Конечно, такая позиция может быть не столь однозначно воспринята теми, кто совсем иначе смотрел на судьбу автора (субъекта), определяя ее, например, мерками «грамматологии», как Деррида, или функциональностью скриптора, как Р. Барт, однако феноменологам удалось придать исследуемому вопросу совершенно иное звучание в русле постижения бытия, развернув субъекта к миру вещей, к трансцендентному, а не только к тексту, слову, эмоциям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феноменологическая оптика, как, возможно, и в целом философия конца XIX – первой половины XX в., была сосредоточена на поиске пределов субъектности. В философском дискурсе обсуждалась проблематика агентности, Другого, Мы/Они, потерянного/оставленного человека и т. д. Небезосновательно внимание мыслителей и исследователей было приковано к автору как проводнику смыслов, субъекту, «владеющему» интенциональным актом, раскрывающимся в постижении бытия. И не случайно в связи с этим изучался вопрос о статусе автора, по сути, ставший продолжением дискуссий о трансцендировании мира вещей (осознанности в бытии), о вовлеченности субъекта в исторические события и историю как таковую. Решался вопрос не только о том, до каких пределов постигается бытие субъектом, каковы горизонты осознания/осознанности и вовлеченности субъекта в бытие, но также и о том, как соотносимы трансценденции и субъект (например, божественное и субъект, Бог и человек и т. д.). В феноменологическом ракурсе оказалось сразу несколько точек притяжения для концептуализации жизни или смерти автора (субъекта). Прежде всего, речь шла о «внезаходимости» автора в бытии — в таком случае он идентифицировался как субъект, вовлеченный в различные ипостаси бытия — историю, природу, религию и др. Мыслителями обсуждалась множественность вариантов такой вовлеченности. И позиция автора, с одной стороны, заключалась в том, что он, руководствуясь своими эмоциями и чувствами, передавал субъективные переживания, основанные на индивидуальном мировоззрении, но, с другой стороны, авторское начало представляло собой трансценденцию, для которой оценки пределов субъектности не могли быть определены. Собственно, в этом и не было необходимости,

так как ракурс трансцендирования лежал не в предметной или атрибутивной плоскости, когда предмет можно потрогать, переосмыслить, переконструировать, а за их пределами — в бытии.

Феноменологи в «феноменологии автора» стремились определять статус автора (субъекта) не в функциональном плане, как, например, это делали некоторые представители постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида и др.), а в онтологическом, связывая сущность авторского начала не с конкретным субъектом (писателем, поэтом, музыкантом, творцом), а с бытием в его трансцендентном «выражении». Поэтому когда, к примеру, обсуждался кусок мрамора как объект для индивидуальной рецепции автора, то все чаще заходил разговор об интенциональном акте, направленном не на эту частицу природного мира, а на самого субъекта, ее постигающего. Другое дело, если автор оказывался вовлеченным в историю и в таком случае интенциональный акт состоял в направленности на событийность. Эти рассуждения феноменологов показывали, насколько большое значение для них имеют «привязка» субъекта к его вовлеченности в постижение бытия и его осознанность в оценках происходящих событий. Конечно, то, что феноменологи предлагали «вывести» субъекта за границу авторского начала как «внеаходимого» и трансцендентного, лишь подтверждало строгость их концептуальных построений, но в то же время поиск пределов субъектности в творчестве, в бытии продолжался на всех уровнях философского знания, поэтому любая позиция мыслителей по этому поводу нуждалась в уточнении или содержательном подкреплении.

Рецепция авторского начала в смысловом треугольнике «история — творчество — опыт» позволила продемонстрировать пределы субъектности в указанных ипостасях бытия. Если, скажем, представители классической и эмпирической эстетики, социологии искусства в период бурного расцвета феноменологии полагали необходимым объективировать или даже конкретизировать автора (субъекта), исследовать его природу как «встроенного в социальное бытие» субъекта, но не ставили вопрос о его онтологическом статусе⁷, то феноменологи заявляли, что авторское начало трансцендентно, а автор (субъект) переживает бытие в интенциональном акте. Все зависело от уровня вовлеченности субъекта в бытие. Конкретный автор лишь отражал бытие в своем субъективном ценностном (или жизненном) мире, он был готов к постижению бытия в предметном смысле, передавая испытываемые переживания

⁷См., например, об этом: Попов, 2024.

в чувствах и эмоциях, но трансценденции для него были «закрыты» и до конца им не поняты. Мне кажется, что пример с куском мрамора является показательным в этом смысле — автор (художник), глядя на него, оценивает грани, цвет, преломление света в линиях и т. д., но при этом кусок мрамора так и остается частичкой более полновесного камня; художнику проще осмысливать именно кусок, а не весь мраморный конгломерат. Другое дело — автор «внезаходимый», тот, кто сам становится трансценденцией. По сути, автор становится самим бытием. Гуссерль писал, что «субъект поглощается трансцендентным, умирает в его априорности» (цит. по: Моган, 2000: 80).

Отметим, что трансцендентность авторского начала вполне отвечает логике осмысления проблемы субъектности в оптике феноменологов. Как нередко бывает в гуманитарной мысли, не всегда возможно получить однозначный ответ на тот или иной вопрос, тем более когда дело касается сложных и системных проблем. Поиск оснований субъектности в бытии явно относится к такого рода дискуссионным вопросам. Но для феноменологов этот поиск увенчался успехом: они предложили такой ракурс осмысления проблемы, который «возвращает» философскую мысль к субъектности в ее социальном и иных смыслах. Предположу, что такой поворот к автору можно рассматривать как источник теорий агентности, акторности, морального субъекта и других подходов и концепций, характерных для современности и позволяющих представить субъекта именно как автора — проводника смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

- Дильтей В.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / пер. с нем., под ред. В. В. Библихина, А. В. Михайлова. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Дильтей В.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем., под ред. В. А. Куренного. — М. : Три квадрата, 2004.
- Зенкин С. Н.* Ответственность Барта // Что нам делать с Роланом Бартом? : Материалы международной конференции, Санкт-Петербург, декабрь 2015 года / под ред. С. Н. Зенкина, С. Л. Фокина. — М. : Новое литературное обозрение, 2018. — С. 25–42.
- Ингарден Р.* Схематичность литературного произведения // Исследования по эстетике / пер. с пол. А. Ермилова, Б. Федорова. — М. : Иностранная литература, 1962. — С. 40–71.

- Каубе Ю.* Макс Вебер : жизнь на рубеже эпох / пер. с нем. К. Тимофеевой. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Попов Е. А.* «Глобальный проект искусства» как отражение взаимодействия социологии искусства и эмпирической эстетики // Социологический журнал. — 2024. — Т. 30, № 4. — С. 8–32.
- Хайдеггер М.* Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе / под ред. Г. К. Косикова. — М. : Московский университет, 1987. — С. 264–314.
- Хамитов Р. М.* Проблема познания истории в философии В. Дильтея // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 4. — С. 131–136.
- Agger B.* Are the Authors Authors? Cultural Policy and Literary Creativity in the Age of the Internet // Democracy and Nature. — 2001. — Vol. 7, no. 1. — P. 183–203.
- Archer M. S.* The Ontological Status of Subjectivity : The Missing Link Between Structure and Agency // Contributions to Social Ontology / ed. by C. Lawson, J. S. Latsis, N.-M. O. Martins. — London : Routledge, 2007. — P. 17–31.
- Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck v. Wartenburg, 1877–1897. — Gaaga, Halle, Saale : M. Niemeyer, 1923.
- Dave N.* Truth, Method, and Transcendence // Consequences of Hermeneutics : Fifty Years After Gadamer's Truth and Method / ed. by J. Malpas, S. Zabala. — Evanston : Northwestern University Press, 2010. — P. 25–44.
- Denman T.* The Limits of Subjectivity // Art Monthly. — 2020. — Vol. 441. — P. 7–10.
- Dilthey an Husserl, 16.V.1905 // Husserliana, Dokumente. Bd. VI. Briefwechsel. — Dordrecht : Kluwer, 1994. — S. 150–153.
- Dilthey an Husserl, 21.VII.1908 // Husserliana, Dokumente. Bd. VI. Briefwechsel. — Dordrecht : Kluwer, 1994. — S. 171–172.
- Fasching W.* Intentionality and Presence : On the Intrinsic Of-ness of Consciousness from a Transcendental-Phenomenological Perspective // Husserl Studies. — 2012. — Vol. 28, no. 2. — P. 121–141.
- Gracia Jorge J. E.* Ontological Status, Identity, Author, Audience. — New York : State University of New York Press, 1996.
- Griffiths M. R.* The Death of the Author and Anticolonial Thought. — Bern : Springer Nature, 2025.
- Husserl E.* On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893–1917). Vol. 10 / trans. from the German by J. B. Brough. — Dordrecht : Kluwer Academic, 1991. — (Husserliana: Edmund Husserl—Collected Works ; 4).
- Husserl E.* Psychological and Transcendental Phenomenology and the Confrontation with Heidegger (1927–1931) / ed. and trans. from the German by T. Sheehan, R. E. Palmer. — Dordrecht : Kluwer Academic, 1997.

- International Phenomenological Society*. Philosophy and Phenomenological Research // Philosophy and Phenomenological Research. — 2013. — Vol. 87, no. 3. — P. 6–25.
- Jalbert J. E.* Time, Death, and History in Simmel and Heidegger // Human Studies. — 2003. — Vol. 26, no. 2. — P. 259–283.
- Janzen G.* The Reflexive Nature of Consciousness. — Philadelphia (PA) : John Benjamins, 2008.
- Johnsto M.* Surviving Death. — Princeton : Princeton University Press, 2010.
- Levine J.* Conceivability, Identity and the Explanatory Gap // Towards a Science of Consciousness : The Third Tuscon Discussions and Debates / ed. by S. Hameroff, A. Kaszniak, D. Chalmers. — Cambridge (MA) : MIT Press, 1999. — P. 16–38.
- Lin S.-Y.* Beardsley and the Implied Author // Journal of Literary Theory. — 2018. — Vol. 12, no. 1. — P. 170–192.
- MacKenzie M.* Reflexivity, Intentionality, and the Embodied Subject : A Phenomenological Reflection in Honor of J.N. Mohanty // Philosophy East and West. — 2025. — Vol. 75, no. 3. — P. 487–509.
- Montague M.* The Given : Experience and Its Content. — Oxford : Oxford University Press, 2016.
- Moran D.* Introduction to Phenomenology. — London, New York : Routledge, 2000.
- Moran D.* Edmund Husserl : Founder of Phenomenology. — Cambridge, Malden (MA) : Polity Press, 2005.
- Parsons C.* From Kant to Husserl : Selected Essays. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2012.
- Phenomenology and Philosophy of Mind / ed. by D. W. Smith, A. L. Thomasson. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2005.
- Reinach A.* Kants Auffassung des Humeschen Problems // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. — 1911. — Jg. 141. — S. 176–206.
- Renaut A.* The Era of the Individual : A Contribution to a History of Subjectivity. — Princeton : Princeton University Press, 1997.
- Schapp V.* Die neue Wissenschaft vom Recht. Eine phänomenologische Untersuchung. — Berlin-Grunewald : Rothschild Publ., 1930.
- Schapp V.* In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding. — Frankfurt am Main : Verlag Vittorio Klostermann, 2012.
- Schapp V.* Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung. — Frankfurt am Main : Verlag Vittorio Klostermann, 2013.
- Semerari G.* Husserl vs. Dilthey // A Critique of Metaphysics and Historical Reason / W. Dilthey ; ed. by J. Caccatore, J. Cantillo. — Bologna : Il Mulino, 1985. — P. 320–380.
- Stavenhagen K.* Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion. — New York : Garland, 1979.
- Vlaad S.* Texts without Authors : Ascribing Literary Meaning in the Case of AI // Journal of Aesthetics and Art Criticism. — 2025. — Vol. 83, no. 1. — P. 4–11.

Zahavi D. Subjectivity and Selfhood : Investigating the First-Person Perspective. — Cambridge (MA) : MIT Press, 2008.

Zahavi D. Self and Other : Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame. — Oxford : Oxford University Press, 2014.

Zahavi D. Self-Awareness and Alterity : A Phenomenological Investigation. — 2nd ed. — Evanston (IL) : Northwestern University Press, 2020.

Popov, E. A. 2026. "Retseptsiya avtorskogo nachala v istorii, tvorchestve i chelovecheskom opyte [Reception of the Author's Principle in History, Creativity and Human Experience]: fenomenologicheskaya optika [Phenomenological Optics]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (1), 139–168.

EVGENIY POPOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

PROFESSOR

ALTAI STATE UNIVERSITY (BARNAUL, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-3324-8101

RECEPTION OF THE AUTHOR'S PRINCIPLE IN HISTORY,
CREATIVITY AND HUMAN EXPERIENCE
PHENOMENOLOGICAL OPTICS

Submitted: Apr. 16, 2025. Reviewed: Oct. 18, 2025. Accepted: Jan. 23, 2026.

Abstract: The reception of the author's principle partially affects phenomenology. It is more actively discussed by post-structuralists with an emphasis on the functionality of the author. Phenomenologists have proposed their own intentional perspective or "phenomenology of the author", in which the key position was to determine his status based on his inner intentions. It is not only about the realization of the author's principle in creativity or everyday reality, but also about its reality as a transcendence. Phenomenologists pay attention to how the author (subject) is included in being in the traditional system of coordinates for phenomenologists—history and experience. In the first case, the author's (subject's) involvement in history and the historical process is assessed, which is called involvement in the comprehension of being. This level of reception makes it possible to characterize the author (subject) not only as a conductor of the meanings of historical facts and events, but also as their direct source. In the second case, the experimental principle is considered as transcendence and at the same time as a condition for the author's possession of an intentional act. The intentional act reflects the author's involvement in the process of realizing the world of things and comprehending being. The article shows how the author (subject) shows the ability to perform an intentional act if, for example, he is involved in a historical process. It is revealed that the author's (subject's) experience of being allows him to search for the facets of the world order and the universe.

Keywords: Phenomenology, Human Experience, Author (Subject), Authorship, History and Historical Process, Creativity, Intentionality.

DOI: 10.17723/2587-8719-2026-1-139-168.

REFERENCES

- Agger, B. 2001. "Are the Authors Authors? Cultural Policy and Literary Creativity in the Age of the Internet." *Democracy and Nature* 7 (1): 183–203.
- Archer, M. S. 2007. "The Ontological Status of Subjectivity: The Missing Link Between Structure and Agency." In *Contributions to Social Ontology*, ed. by C. Lawson, J. S. Latsis, and N.-M. O. Martins, 17–31. London: Routledge.
- Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck v. Wartenburg, 1877–1897* [in German]. 1923. Gaaga, Halle, and Saale: M. Niemeyer.
- Briefwechsel* [in German]. 1994. Vol. VI of *Husserliana, Dokumente*. Dordrecht: Kluwer.
- Dave, N. 2010. "Truth, Method, and Transcendence." In *Consequences of Hermeneutics : Fifty Years After Gadamer's Truth and Method*, ed. by J. Malpas and S. Zabala, 25–44. Evanston: Northwestern University Press.
- Denman, T. 2020. "The Limits of Subjectivity." *Art Monthly* 441:7–10.
- Dilthey, W. 2001. *Germenevutika i teoriya literatury [Hermeneutics and Theory of Literature]* [in Russian]. Vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. and trans. from the German by V. V. Bibikhin and A. V. Mikhaylov. 6 vols. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi [Intellectual Book House Press].
- . 2004. *Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe [The Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit]* [in Russian]. Vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. and trans. from the German by V. A. Kurennoy. 6 vols. Moskva [Moscow]: Tri kvadrata.
- "Dilthey an Husserl, 16.V.1905" [in German]. 1994. In *Briefwechsel*, vol. VI of *Husserliana, Dokumente*, 150–153. Dordrecht: Kluwer.
- "Dilthey an Husserl, 21.VII.1908" [in German]. 1994. In *Briefwechsel*, vol. VI of *Husserliana, Dokumente*, 171–172. Dordrecht: Kluwer.
- Fashing, W. 2012. "Intentionality and Presence: On the Intrinsic Of-ness of Consciousness from a Transcendental-Phenomenological Perspective." *Husserl Studies* 28 (2): 121–141.
- Gracia Jorge, J. E. 1996. *Ontological Status, Identity, Author, Audience*. New York: State University of New York Press.
- Griffiths, M. R. 2025. *The Death of the Author and Anticolonial Thought*. Bern: Springer Nature.
- Heidegger, M. 1987. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya [Der Ursprung des Kunstwerkes]* [in Russian]. In *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. [Foreign Aesthetics and Literary Theory of the XIX–XX Centuries] : traktaty, stat'i, esse [Treatises, Articles, Essays]*, ed. by G. K. Kosikov, trans. from the German by A. V. Mikhaylov, 264–314. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet [Moscow University Press].
- Husserl, E. 1991. *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893–1917) [Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893–1917)]*. Trans. from the German by J. B. Brough. Vol. 10. *Husserliana: Edmund Husserl — Collected Works* 4. Dordrecht: Kluwer Academic.
- . 1997. *Psychological and Transcendental Phenomenology and the Confrontation with Heidegger (1927–1931) [Psychologische und transzendente Phänomenologie und die Konfrontation mit Heidegger (1927–1931)]*. Ed. and trans. from the German by T. Sheehan and R. E. Palmer. Dordrecht: Kluwer Academic.
- Ingarden, R. 1962. *Skhematichnost' literaturnogo proizvedeniya [Schematyczność dzieła literackiego]* [in Russian]. In *Issledovaniya po estetike [Studies in Aesthetics]*, trans. from the Polish by A. Yermilov and B. Fedorov, 40–71. Moskva [Moscow]: Inostrannaya literatura.

- International Phenomenological Society. 2013. "Philosophy and Phenomenological Research." *Philosophy and Phenomenological Research* 87 (3): 6–25.
- Jalbert, J. E. 2003. "Time, Death, and History in Simmel and Heidegger." *Human Studies* 26 (2): 259–283.
- Janzen, G. 2008. *The Reflexive Nature of Consciousness*. Philadelphia (PA): John Benjamins.
- Johnsto, M. 2010. *Surviving Death*. Princeton: Princeton University Press.
- Kaube, J. 2016. *Maks Veber [Max Weber]: zhizn' na rubezhe epokh [Ein Leben zwischen den Epochen]* [in Russian]. Trans. from the German by K. Timofeyeva. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Khamitov, R. M. 2018. "Problema poznaniya istorii v filosofii V. Dil'teya [The Problem of Cognition of History in W. Dilthey's Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*, no. 4, 131–136.
- Levine, J. 1999. "Conceivability, Identity and the Explanatory Gap." In *Towards a Science of Consciousness: The Third Tucson Discussions and Debates*, ed. by S. Hameroff, A. Kaszniak, and D. Chalmers, 16–38. Cambridge (MA): MIT Press.
- Lin, S.-Y. 2018. "Beardsley and the Implied Author." *Journal of Literary Theory* 12 (1): 170–192.
- MacKenzie, M. 2025. "Reflexivity, Intentionality, and the Embodied Subject: A Phenomenological Reflection in Honor of J. N. Mohanty." *Philosophy East and West* 75 (3): 487–509.
- Montague, M. 2016. *The Given: Experience and Its Content*. Oxford: Oxford University Press.
- Moran, D. 2000. *Introduction to Phenomenology*. London and New York: Routledge.
- . 2005. *Edmund Husserl: Founder of Phenomenology*. Cambridge and Malden (MA): Polity Press.
- Parsons, C. 2012. *From Kant to Husserl: Selected Essays*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Popov, Ye. A. 2024. "'Global'nyy proyekt iskusstva' kak otrazheniye vzaimodeystviya sotsiologii iskusstva i empiricheskoy estetiki ['The Global Art Project' as a Reflection of the Interaction of the Sociology of Art and Empirical Aesthetics]" [in Russian]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]* 30 (4): 8–32.
- Reinach, A. 1911. "Kants Auffassung des Humeschen Problems" [in German]. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 141:176–206.
- Renaut, A. 1997. *The Era of the Individual: A Contribution to a History of Subjectivity*. Princeton: Princeton University Press.
- Schapp, V. 1930. *Die neue Wissenschaft vom Recht. Eine phänomenologische Untersuchung* [in German]. Berlin-Grunewald: Rothschild Publ.
- . 2012. *In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding* [in German]. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann.
- . 2013. *Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung*. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann.
- Semerari, G. 1985. "Husserl vs. Dilthey." In *A Critique of Metaphysics and Historical Reason*, by W. Dilthey, ed. by J. Caccatore and J. Cantillo, 320–380. Bologna: Il Mulino.
- Smith, D. W., and A. L. Thomasson, eds. 2005. *Phenomenology and Philosophy of Mind*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Stavenhagen, K. 1979. *Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion* [in German]. New York: Garland.

- Vlaad, S. 2025. "Texts without Authors: Ascribing Literary Meaning in the Case of AI." *Journal of Aesthetics and Art Criticism* 83 (1): 4–11.
- Zahavi, D. 2008. *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*. Cambridge (MA): MIT Press.
- . 2014. *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2020. *Self-Awareness and Alterity: A Phenomenological Investigation*. 2nd ed. Evanston (IL): Northwestern University Press.
- Zenkin, S. N. 2018. "Otvet-stvennost' Barta [Responsibility of Bart]" [in Russian]. In *Chto nam delat' s Rolanom Bartom? [What Should We Do with Roland Barthes?] : Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, dekabr' 2015 goda [Materials of the International Conference, Saint Petersburg, December 2015]*, ed. by S. N. Zenkin and S. L. Fokin, 25–42. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.